

ЛЕОНТИЙ БЫЗОВ

Параллельные миры?

Что стоит за новой ценностной поляризацией общества?

Непредвзятый взгляд на состояние российского общества образца 2012—2013 годов наводит на однозначный, казалось бы, вывод о его глубоком ценностном и мировоззренческом расколе. Для обозначения этого раскола уже сложились и вошли в оборот такие термины, как «консервативное большинство» и «либеральное меньшинство».

Консервативное большинство было и во все большей степени становится опорой власти, охранительной политики и идеологии, а немногочисленные городские либералы с их установками на модернизационное развитие оказываются обречены на бессильные протесты, внутреннюю и внешнюю эмиграцию. За этими политическими данностями думающие культурологи и публицисты угадывают еще более глубокий цивилизационный раскол, проходящий через всю русскую историю.

Как неоднократно замечал кинорежиссер А. Кончаловский, «я убежден, что архаическое сознание сохранилось в России до сегодняшнего времени, и большая часть населения нашей страны до сих пор живет в “добржужазном” обществе. В этом смысле наше государство имеет больше общих черт с африканскими государствами, чем с европейскими. В России... граждан

нет, есть население». Этой архаической массе «противостоит немногочисленный слой, который славянофил Хомяков сравнивал с европейским поселением, заброшенным в страну дикарей, и он за двести лет, развиваясь и умножаясь, создал всю культуру, которой Россия сегодня гордится. Все, что было создано за какие-нибудь двести лет, все, что повлияло и обогатило мировую культуру, было создано “малой” нацией русских европейцев»¹.

Рассуждения «западника», сторонника европейского выбора А. Кончаловского очень похожи на правду. Но одновременно они и упрощают эту «правду», которая, если пытаться разобраться в ней с помощью практической социологии, оказывается более противоречивой и даже «нелинейной». За последний год автор этих строк участвовал в двух фундаментальных исследованиях, проведенных Институтом социологии РАН и ВЦИОМ², одной из приоритетных целей которых и было разобраться во

¹ **А. Кончаловский.** В какого Бога верит русский человек. — «Российская газета». 10.04.2013.

² См.: «О чем мечтают россияне». Ред. М. К. Горшков. М., 2013; **Л. Бызов.** Идеинные и ценностные аспекты политической борьбы в избирательном цикле 2011—2012 гг. — «Опыт исследования электорального поведения россиян». М., 2013.

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Ключевые слова: российское общество, социальная структура, система ценностей, Путин, социальная опора власти, либеральное меньшинство, консервативное большинство.

всех этих противоречиях как с более общих, так и с политически конъюнктурных позиций сегодняшнего дня. На результатах этих исследований и основывается предлагаемый вниманию читателей материал.

1

Действительно, на «уровне здравого смысла», сегодняшняя Россия состоит по крайней мере из двух «параллельных миров». Первый из них — носители ценностей и образа жизни современных столичных мегаполисов, городской средний класс, — не нуждаются в постоянной опеке со стороны государства, рассматривают страну как часть современной западной (в первую очередь европейской) цивилизации, ориентированы на либерализацию экономической и политической жизни в стране. Поскольку эта группа выделяется на общем фоне не только своими экономическими, но и социокультурными характеристиками, назовем ее условно «новорусским субэтносом». Объем этой группы, по разным методикам и с учетом разных характеристик, можно оценить в 25—27 процентов.

Второй мир — периферия, сохранившая ориентацию на традиционные горизонтальные связи и традиционалистские ценности, сосредоточенная на национальных окраинах страны, в малых поселениях, среди наиболее пожилой части общества. Объем этой группы, которую не всегда удастся исследовать с помощью привычных методов массового опроса, можно условно оценить в 10—12 процентов. К этой группе примыкает промежуточный, наиболее массовый слой россиян. С одной стороны, он сохранил на «парадном» уровне ориентацию на традиционалистские ценности и установки, нуждается в экономической и социальной опеке со стороны государства; с другой — уже утратил механизмы

социальных связей, характерные для традиционного общества, ориентирован на ценности общества массового потребления и не готов к лобовой форме социальной мобилизации. Объем этой группы составляет несколько более 50 процентов от общей численности россиян, и, учитывая во многом общие декларируемые ценности, методы массового опроса не всегда способны надежно отделить ее от второй группы — жителей «традиционной России».

Первую группу опрошенных — либералов, в самых общих чертах соответствующих группе современных «новорусских» горожан, — мы делим на две неравные по численности подгруппы. В соответствии с численностью тех, кто полагает, что «необходима либерализация всех сфер жизни и освобождение бизнеса от власти чиновников», объем этой группы составляет 28 процентов. В том числе 7 процентов из них — это сторонники капитализма, частной собственности, свободной рыночной конкуренции; эту группу мы будем в дальнейшем называть «правые либералы». 21 процент — сторонники смешанной экономики (капитализма с элементами планирования или социализма с элементами рынка) или полностью социалистической экономики. Эту группу мы будем называть «левые либералы», во многом они близки социал-демократической идеологии.

Как видно из приведенных цифр, среди сторонников либерального пути развития России левых либералов значительно больше, чем правых. Это соответствует и проведенным исследованиям, а также визуальным представлениям о «ядре» участников протестных митингов, прошедших зимой 2011/2012 годов³, согласно которым наибольшей поддержкой

³ См. «Опрос на проспекте Сахарова 24 декабря». — www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrja

участников акций пользовались общедемократические лозунги, а также лидеры, представляющие скорее левое крыло либерального движения (А. Навальный, Г. Явлинский и др.). Если посмотреть на настроения, доминировавшие «на Сахарова», то отчетливо видна леводемократическая направленность большей части митингующих, где общедемократические лозунги сочетались с озлоблением в отношении олигархов и коррупционеров, «новых богачей». Были освистаны все политики, происходящие родом из 1990-х годов, уже побывавшие у власти и вступившие в конфликт с путинским режимом. Это касается даже Г. Явлинского, который, казалось бы, чисто идейно ближе всего московской разночинной массовке. Постепенно формируется новое поколение «улицы» с характерными чертами А. Навального, Дм. Быкова, Е. Чириковой, которых не очень просто привязать к тому или иному идейно-политическому сегменту.

Вторая большая группа опрошенных — сторонников консервативных взглядов, в общих чертах соответствующая консервативной, квазитрадиционалистской части россиян, также делится нами на две неравные по численности подгруппы. Это сторонники сочетания сильного государства и рыночных отношений — те, кто полагает, что «необходимы укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и стратегически важных отраслей», и одновременно является сторонником капитализма, рыночной конкурентной экономики. Подгруппа таких «правых государственников» составляет 26 процентов россиян.

Другая подгруппа — это сторонники сочетания сильного государства и скорее социалистических отношений — те, кто полагает, что «необходимы укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация круп-

нейших предприятий и стратегически важных отраслей», и одновременно выступает за социалистический тип экономики, с элементами рыночных отношений или без таковых. Эту подгруппу, наиболее объемную (41 процент от общей численности опрошенных), можно охарактеризовать как «левых государственников», или «социал-консерваторов».

Как пишет в связи с этим связанный с «партией власти» известный политолог С. Марков, «на сегодня произошло серьезное разделение общественной повестки дня, в рамках которой выделилось активное меньшинство и молчаливое моральное большинство. Они совершенно по-разному смотрят на развитие страны. Например, активное меньшинство считает президента наемным менеджером, а молчаливое большинство полагает, что президент должен быть отцом нации, который несет в массы определенную систему ценностей. Если для активного меньшинства главное — институты, то для морального большинства главное — это обеспечение политического общественного лидерства. Если активное большинство выступает за свободу, за безвизовое общение с шенгенской зоной, то молчаливому большинству не нужна шенгенская виза, потому что они никуда не ездят и не собираются, им нужно восстановление традиционных отношений с нашими классическими союзниками, такими как Украина, Белоруссия, другие страны постсоветского пространства. А на Запад они смотрят не как на партнера, а, скорее, с некоторым подозрением, полагая, что Запад заинтересован в ущемлении интересов России»⁴.

Российская власть именно на это «молчаливое большинство» (как она его себе представляет) и пытается сегодня опереться, полагая его лояльным,

⁴ С. Марков. Две повестки. — <http://actualcomment.ru/daycomment/1020/>

в отличие от смутянов-либералов. Но чем и насколько по своим ценностям и установкам эти группы различаются?

2

Граница между «параллельными мирами» носит достаточно размытый характер. Во многом это вызвано тем, что в силу переходности процесса значительная часть общества демонстрирует смешанные характеристики и сознания, и поведения. «Парадные» ценности не совпадают с реальной мотивацией, а в их политических идеалах совмещаются черты традиционного представления о России, почерпнутого из книг и прошлого личного жизненного опыта, и «новорусского» представления, отражающего современные тенденции его трансформации. Несмотря на всю подчас достаточно жесткую критику, обращенную в адрес нынешней власти и проводимого ею курса, большая часть россиян (63 процента) продолжает воспринимать общее направление, по которому идет современная Россия, как позитивное, способное принести в перспективе положительные результаты, либо по крайней мере частично правильное, а частично — нет. В наибольшей степени этот курс соответствует установкам умеренных либералов (72 процента полной или частичной поддержки), но и во всех остальных группах он превышает отметку в 50 процентов. Наиболее низкие показатели поддержки у радикальных либералов (54 процента) — не случайно именно эта группа и доминировала на протестных митингах с декабря 2011-го по март 2012 года; но и в этой группе она превышает половину от общего числа опрошенных.

Необходимость в стране «жесткой руки», которая наведет порядок, даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 63 процентов опрошенных. Однако

эта позиция не является консенсусной, так как с ней согласны лишь около 35 процентов представителей либерального, «новорусского» сегмента общества. Зато мечту о «жесткой руке» поддерживают 74 процента консерваторов. Все группы опрошенных в той или иной степени готовы согласиться с тем, что «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире». Это традиционное представление о роли российского государства в последнее время все более оспаривается «новорусскими» группами, особенно молодыми русскими националистами, сторонниками создания национального русского государства европейского типа. Всего великодержавную позицию разделяют 66 процентов опрошенных россиян; среди государственныхников — как радикальных, так и умеренных, — эта цифра достигает отметки в 73 процента, а в либеральных сегментах общества ограничена уровнем в 52 процента.

Таким образом, в отношении представлений о будущем России, пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано. На одном полюсе находятся консерваторы, самая многочисленная группа, на другом — либералы, как правые (сторонники рынка), так и левые (сторонники социальных приоритетов). Консерваторы поддерживают традиционный образ России — могучего государства, державы с твердой, жесткой властью, которая способна обеспечить социальную справедливость, противостоящей Западу и западной цивилизации. В то же время они мечтают о стабильном, спокойном развитии — аналогично последнему периоду Советской власти, а не о революциях и смутах.

Либералы, напротив, ориентированы скорее на минимизацию государства, снижение его влияния

на бизнес и гражданское общество, формирование правового общества, в котором бы выше ценились демократические права и свободы. При всех различиях оба эти «полюса» имеют и много пересечений. В частности, нынешняя власть и связанный с ней курс воспринимаются скорее позитивно (в большей степени — государственниками, в меньшей — либералами). И либералы, и консерваторы не готовы поддержать ни «чистый» рыночный капитализм, ни «чистый» плановый социализм. И тех, и других скорее привлекает какой-либо промежуточный вариант, который бы включал в себя и элементы рынка, и элементы социалистической экономики.

Приводимая ниже таблица 1 отражает преобладание в различных сегментах общества тех или иных политических ценностей. Данные наглядно иллюстрируют тезис о продолжающемся доминировании в обществе смешанной метаидеологии, совмещающей либеральные и социал-консервативные идеи. Хорошо видно, что лозунги, связанные с сильным социальным государством (в меньшей степени это касается лозунгов справедливости и великодержавности), лидируют во всех группах, включая городских либералов. А среди лозунгов, которые привязаны к отдельным идеологическим сегментам — демократия, права человека, рынок, встречаются не слишком популярные среди радикальных социал-консерваторов. Обратная картина в отношении лозунга сильной авторитарной власти, непопулярного среди либеральной части общества. Что же касается националистических лозунгов, типа

«Россия для русских», то, хотя почти половина россиян готова в той или иной мере поддержать националистические идеи, проголосовать за политическую партию, выдвигающую этот лозунг в качестве приоритетной цели, готовы не более 5 процентов опрошенных, причем среди либералов их немного больше, чем среди консерваторов.

Таким образом, в отношении представлений о будущем России, пути, по которому она должна идти, российское общество достаточно сильно сегментировано.

Используемая в последующих таблицах типология⁵ включает в себя взаимосвязь двух переменных, первая из которых отражает роль государства в политике и экономике, а вторая — степень лояльности опрошенных существующему политическому режиму в целом и тому курсу, который он проводит:

- протестные консерваторы — 21 процент;
- лояльные консерваторы — 47 процентов;
- лояльные либералы — 15 процентов;
- протестные либералы — 8 процентов.

Операциональной основой для такой типологизации являются вопросы анкеты, отражающие выбор (на дихотомической основе) между укреплением государства или его либерализацией, а также вопрос о том, оценивают опрошенные курс, которым идет страна, как «правильный» или «неправильный». Как показали

⁵ См. электоральную панель ВЦИОМ, проводившуюся с ноября 2011-го по май 2012 года.

результаты электоральной панели ВЦИОМ, протестные настроения экономически нуждающихся россиян, чаще всего консервативных убеждений, и городского среднего класса различаются не только интенсивностью, но и тем, что в первом случае превалирует экономическая составляющая, а во втором — политическая. В то же время распространенное представление, будто либерально ориентированные граждане сосредоточены почти исключительно в Москве и Петербурге, является сильным преувеличением. Однако «протестных» либералов, готовых поддержать оппозицию, а не власти, в Москве действительно больше — свыше 12 процентов от общей численности взрослого населения; и протестно настроенные либералы составляют более 50 процентов от общей численности либералов.

Среди консервативно-государственной части москвичей оппозиционно настроена примерно треть (более 22 процентов от общего числа опрошенных жителей столицы). Однако самый высокий уровень консервативной протестности приходится на крупные города с численностью населения от 500 тысяч до миллиона (около 34 процентов от общей численности их населения). Если к ним добавить еще 10 процентов либеральных оппозиционеров, то именно в этом типе городов мы имеем самый высокий в современной России протестный потенциал, а самый низкий — в селах и поселках городского типа.

Это и неудивительно: ведь именно крупные промышленные центры на сегодняшний день являются наиболее проблемными территориями России. Что же касается Москвы и Петербурга, то налицо совмещение двух тенденций: с одной стороны — высокий уровень жизни и благоприятный рынок труда, с другой — наличие креативно-

го, экономически независимого среднего класса, который может себе позволить выступать против государства и власти.

Следует также отметить, что именно для протестной части либералов характерен наиболее высокий образовательный уровень (более 72 процентов имеет законченное или незаконченное высшее образование), к тому же это самая молодая часть общества — 44 процента этой группы составляет молодежь до 34 лет (у протестной части консерваторов эта цифра не дотягивает до 27 процентов). Что же касается деятельности российского президента, то среди лояльной части электората показатель одобрения составляет около 75 процентов, а среди нелояльной — 34 процента у носителей консервативного протеста и 37 процентов у носителей либерального протеста. Понятно, что либерально настроенный средний класс, будучи моложе и образованнее, значительно интенсивнее консерваторов и государственников пользуется Интернетом — 43 процента против 32-х. Среди недовольных консерваторов наиболее значительную группу представляют пенсионеры, а среди недовольных либералов — студенты. У недовольных либералов материальное положение скорее среднее (по шкале, характеризующей самооценку материального положения, — 63 процента), хотя существенных различий с другими группами не наблюдается.

Интересно отметить также, что если уровень благосостояния либерально настроенной части россиян в целом достаточно высок — значительно выше, чем у консерваторов, особенно протестно настроенных, то деление либералов на протестных и лояльных в большей степени обусловлено уровнем достатка. Если 46 процентов лояльных либералов оценивают ситуацию как благопри-

ятную, то среди протестных — лишь 27 процентов. Это не позволяет поддерживать известную версию, будто протесты образца Болотной — «революция норковых шубок». Нет, основу

«болотного» протеста составляет небогатая разночинная интеллигенция, студенчество, а не состоятельные горожане, прочно утвердившиеся в составе среднего класса.

Таблица 1

Поддержка различных лозунгов в отдельных группах и сегментах общества

Лозунги	Протестные консерваторы	Лояльные консерваторы	Лояльные либералы	Протестные либералы
Права человека	8	14	19	17
Сильная власть	18	14	7	6
Традиции	17	11	7	8
Запад	3	2	4	4
Рынок	1	2	7	12
Справедливость	13	15	11	12
Социальное государство	32	31	24	24
Русские	4	4	7	7
Великая держава	11	12	12	11
Стабильность	5	5	7	4

3

В одном из панельных опросов ВЦИОМ была использована методика так называемого семантического баллона: опрошенным предлагалось из 36 понятий выбрать до десяти наиболее поддерживаемых, оцениваемых позитивно, и наименее поддерживаемых, оцениваемых негативно. Как видно из таблицы 2, различия в идейном наполнении основных выделенных типов есть; но сходства намного больше, чем различий. Центристские, лояльные властям группы общества на первое место ставят порядок, а справедливость — лишь на второе. Недовольные своим положением группы общества — как в его консервативном, так и в либеральном сегменте, — отдают приоритет идее справедливости. Среди недовольных либералов весьма высокие позиции занимает идея нации, что тоже вполне объяснимо общей логикой развития протестных настроений. Причем идея нации соседствует с идеей защи-

ты прав человека. Высокое место во всех группах занимает ценность стабильности, причем то, что обращает на себя внимание, — в протестных группах даже в большей степени, чем в лоялистских. Групп, готовых поддержать революцию, перемены, связанные с риском нестабильности, в обществе практически нет. Таким образом, парадигмы консервативного и либерально-консервативного сценариев в целом продолжают преобладать в общественном сознании.

Основной тезис, довольно часто используемый при аргументации о существовании «параллельных России», состоит в том, что консервативное большинство — за власть, а либеральное меньшинство — против. Похоже, и сама власть уверовала в то, что именно консервативная глубинка является ее основной опорой, и всячески стала демонстрировать свою консервативность — правда больше на словах, чем на деле. Однако, согласно результатам исследования ИС РАН, среди сторонников коммунистических воззрений

Ценностные приоритеты основных групп общества по методике «семантического балкона»

Протестные консерваторы	Лояльные консерваторы	Лояльные либералы	Протестные либералы
Справедливость	Порядок	Порядок	Справедливость
Порядок	Справедливость	Справедливость	Нация
Стабильность	Успех	Государство	Стабильность
Патриотизм	Стабильность	Успех	Права человека
Успех	Свобода	Стабильность	Свобода
Труд	Русские	Россия	Успех
Достаток	Достаток	Достаток	Прогресс
Свобода	Патриотизм	Свобода	Порядок
Равенство	Власть	Власть	Русские
Права человека	Труд	Русские	Демократия
Традиция	Государство	Традиция	Мораль
Русские	Права человека	Патриотизм	Традиция
Социализм	Россия	Нация	Патриотизм
Государство	Равенство	Демократия	Достаток
Власть	Церковь	Богатство	Бизнес

47 процентов считают, что «власть должна быть заменена в любом случае», среди остальной части консерваторов так считают 33 процента, среди либералов — примерно 29—30 процентов, а среди сторонников сильного рыночного государства — не более 20 процентов.

При этом уровень распространения в обществе протестных настроений примерно одинаков, и в относительно небольших городах он ничуть не ниже, чем в столичных мегаполисах, и всюду составляет приблизительно около трети населения, достаточно равномерно распределенного и в возрастном, и в образовательном разрезе. Так, отказывают властям в доверии 34 процента опрошенных до 25 лет, 32 процента пожилого населения старше 60 лет и несколько меньше, примерно 27—28 процентов, россиян средних возрастных групп; 27 процентов тех, кто относит себя к среднему классу, и 33 процента — кто располагается на более низких ступенях социальной лестницы. Взглянув

на эти цифры, можно было бы сделать поверхностный вывод о ценностной и социальной гомогенности современных россиян, а корни протестных настроений скорее искать в законах социальной психологии, а не в объективных социальных факторах.

Это не означает, что у большинства, живущего в российских регионах, нет своих претензий к власти, и оно не готово к протестной активности. Только вот какую направленность будет носить эта, пока еще потенциальная, активность? Как пишет один из блогеров в ответ на предположение, что именно российская глубинка является верным оплотом власти, «это не так! Распространенное и странное заблуждение. Иногда кажется, что это пропагандистский взброс власти в попытке объяснить, кто ее, поганую, поддерживает в стране. Я живу в самой настоящей кондовой глубинке. Сам очень скептически отношусь к окружению, но уверяю вас, власть здесь никто не поддерживает. Напротив, местный люд полагает, что

путинскую власть поддерживают в прикормленных столицах, потому как нигде больше ее поддержать не могут».

Если изначально протестные настроения были сильнее в консервативной части общества, то процесс поляризации способствовал консолидации части консерваторов вокруг власти. Наиболее активной частью протестных митингов, их ядром стали не традиционные городские либералы, не «норковые шубки», а леводемократическая интеллигенция, далеко не в полной мере входящая в средний класс, студенчество. Леводемократическую интеллигенцию объединяет немало точек пересечения с «новыми левыми», не входящими в КПРФ, и «новыми националистами». Поэтому именно на этом сегменте идеологического поля следует в поствыборный период ожидать появления новой политической силы. Относительно низкий результат «ЕР» на парламентских выборах имел первоочередной причиной не столько разочарование части ее прежних сторонников в политике властей, сколько информационное давление со стороны значительной части СМИ и Рунета, вызванное конкретной политической ситуацией в конце 2011 года.

В связи с этим оживились разговоры о том, в чем могут состоять идеи и цели дальнейшего движения вперед, и возможна ли в России идеология, которая могла бы стать идеологией нового российского большинства — в частности левая, социалистическая или социал-демократическая идеология, потому что, по мнению некоторых политологов⁶, Россия — страна с традиционным доминированием левых взглядов на ее развитие и будущее. Однако каково конкретное содержание

«левизны» российских социал-консерваторов, с одной стороны, и левых либералов, с другой? Для ответа на этот вопрос интересно обратиться к тому историческому контексту, к которому апеллируют различные слои российского общества.

Таблица 3 демонстрирует, что либералы — как правые, так и левые, — во многом солидарны с правыми государственниками в своей оценке различных периодов российской истории. Все эти группы достаточно позитивно отзываются о современном периоде, причем в первую очередь это касается правых государственников, чьи взгляды во многом совпадают с официальным курсом нынешней российской власти (38 процентов ставят на первое место в рейтинге эпох). В меньшей степени, но тоже скорее позитивно, оценивается историческая Россия в ее досоветский период (больше всего сторонников в группе правых либералов — 20 процентов).

Напротив, в этих группах распространено преимущественно негативное отношение ко всему советскому периоду в истории страны, что вполне соответствует их идеологическим воззрениям. Особняком стоит группа социал-консерваторов, для которых в представлении об идеале конкурируют современная, «путинская» Россия (30 процентов) и брежневская эпоха «развитого социализма» (24 процента). Обе эти эпохи — спокойные, нереволюционные; в период «развитого социализма» идеалы коммунистического строительства постепенно трансформировались в идеалы общества массового потребления, и в настоящее время эти идеалы продолжают оставаться одной из доминирующих идей в жизни россиян — как условно «правых», так и не менее условно «левых». В связи с этим понятно, что разница между «правыми»

⁶ См. **Б. Славин**. Какая идеология нужна России? — «Литературная газета». 07.03.2012.

Идеалы в истории России, характерные для основных типов российского общества

Идеалы	Правые либералы	Левые либералы	Правые государственники	Социал-консерваторы
Дореволюционная Россия	20	13	13	7
Первое десятилетие Советской власти	2	5	4	7
Последние десятилетия Советской власти	6	10	5	24
Перестройка	4	3	2	6
Реформы 1990-х годов	3	2	3	2
Современный период	37	31	38	30

и «левыми» государственниками лежит в плоскости не столько различия ценностей и идеалов, сколько различия возможностей. Первые в состоянии прожить без помощи государства, опираясь на собственные силы; вторые — льготники, пенсионеры, бюджетники — могут рассчитывать только на нее. Как видно, «левое» большинство совсем не стремится к революциям и радикальным переменам, общественной самоорганизации и солидарности трудящихся, это — патерналисты, заинтересованные скорее в усилении «раздаточных» функций современного государства.

Россияне мечтают о спокойных, стабильных временах, образцом которых является отчасти современная, «путинская» Россия, отчасти (для социал-консерваторов) — последние десятилетия Советской власти. Даже современные российские «левые» не воспринимают как идеал эпоху революционных потрясений. На смену коммунистической идеологии еще в советские времена, в их последние десятилетия, пришла идея, которая никогда не провозглашалась официально «идеологией большинства», но фактически именно такой и стала — это *идея частной жизни*.

Вспомним, сколько сил стали отдавать тогда еще советские граждане обустройству своих дачек, садовых участков, квартир, своего быта. И если

посмотреть на реальные перемены, произошедшие с нами за последние два-три десятилетия, не через призму политики, а через призму быта, то отчетливо видно, как вся энергия преобразования страны, крупныхстроек, обороны, большой науки растеклась по частным ручейкам. Отгородись от всех забором, железными дверями; если есть средства — строй коттедж, нет — делай пристройку к веранде. Вот эта стихия частного быта, которую классики марксизма непременно назвали бы мелкобуржуазной, сформировала то, что называется психологией общества массового потребления. И именно это обстоятельство сегодня и определяет пределы того левого, социалистического или социал-демократического проекта, который многие видят в качестве новой национальной идеи, способной сплотить российское большинство.

Общество в целом пока, безусловно, не готово к каким-либо жертвам во имя общего блага или общих целей. То есть никакая мобилизационная идеология, даже под популярными левыми лозунгами о социальной справедливости, не может рассчитывать на поддержку большинства — особенно это касается молодых и относительно молодых поколений россиян. 72 процента опрошенных социал-консерваторов, как и большинство других групп общества, полагают, что «важ-

но лишь собственное благополучие и благополучие моей семьи»; и лишь 28 процентов считают, что «жить стоит ради общей цели, которая бы нас всех объединяла». Больше всего индивидуалистов среди правых либералов (82 процента), но в данном случае это вполне соответствует «витринной» идеологии названной группы общества. Эти показатели носят достаточно стабильный характер. Так, в ходе исследования ИС РАН в 2003 году 79 процентов отдали предпочтение «собственному благополучию» перед «жизнью ради общих целей» и 73 процента согласились с мнением, что личные интересы — это главное для человека.

Прошедшие в последние полтора года крупные политические акции продемонстрировали, что эти различия продолжают оставаться «живыми» и определяющими для политического и культурного противостояния внутри российского общества, хотя по сравнению с ситуацией в первой половине 1990-х годов и возникли некоторые новые нюансы. Для переходного общества подобного типа характерной оказывается картина, при которой носители ценностей номинального большинства, как правило социально-консервативных, оказываются, в силу неготовности к мобилизации, «ведомыми» более малочисленными и активными группами. Как показывают данные, в молодой части общества либеральные настроения представлены значительно шире — в особенности это касается группы правых либералов, но что характерно: даже среди 18—25-летних россиян, уже сформировавшихся в условиях «новой России», большинство все же составляют государственники (60 процентов), из которых примерно половину составляют левые, то есть социал-консерваторы. Среди же относительно старших поколений

доля социал-консерваторов превышает 55 процентов (у тех, кому от 46 до 55 лет) и даже 65 процентов (у россиян пенсионного возраста). В то же время численность либералов — как правых, так и левых, — одновременно уменьшается с возрастом в тех же группах с 33 до 19 процентов, а правых государственников — с 30 процентов до 20.

Понятно, что смена поколений, активно происходящая в стране, работает не в пользу социал-консерваторов, и уже сегодня, несмотря на численное относительное преобладание, они не могут претендовать на роль носителя доминантной идеологии в российском обществе. Во многом аналогичная картина наблюдается и при анализе среза опрошенных по их положению, занимаемому в обществе. Социал-консерваторы доминируют в нижней части общественной пирамиды (в четырех нижних стратах их численность колеблется от 46 до 50 процентов), а в ее верхней части — либералы (37 процентов) и правые государственники 33 процента).

4

Бегло обрисованная выше картина все же позволяет утверждать, что реальное идеологическое соперничество происходит не между двумя полюсами — консерваторами и либералами, а, учитывая преобладание в центральной части политического спектра синтетической, частично консервативной, частично либеральной идеи, — скорее между тремя. Во-первых — это левогосударственническая идея, связанная с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости. Во-вторых — это леволиберальная (социал-демократическая) идея, делающая акцент на тех же идеях социальной

справедливости в пакете с общедемократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. И наконец в-третьих — это правовосударственническая идеология, во многом совпадающая с основным вектором политического курса, связываемого с эпохой «нулевых». В нынешнем расслоении общества последняя выполняет роль центра, сдерживая «революционные» настроения на политических флангах.

Здесь следует остановиться еще на одном нюансе. Стало своего рода политологической традицией отказывать нынешней «партии власти» в какой-либо идеологической составляющей, характеризуя ее как чисто конъюнктурную, а ее программные положения — как своего рода «идеологический коктейль», эклектически сочетающий в себе элементы как правых, так и левых воззрений. Недавно ушедший из жизни известный политолог Д. Фурман так иронически характеризовал идеологию В. Путина и «партии власти»: «...получается какая-то “каша”, набор противоречащих друг другу и гасящих друг друга представлений. Эта “каша” не может дать мотивации ни для какой ясной политики. Какую-то ясную идею можно претворять в жизнь, и это может получиться или не получиться, но если идеи — смутные и противоречивые, ничего определенного у тебя получиться не может»⁷.

Между тем, вне зависимости от отношения к практическим шагам «партии власти», следует признать, что ее идеология достаточно очевидна и понятна. Это постепенное развитие рынка с сохранением каркаса государства и государственных институтов. Представляется, что с уче-

том сложившихся реалий и негативного опыта 1990-х годов у подобной идеологии на самом деле сегодня нет альтернативы, и именно это обстоятельство определяет электоральные успехи власти в большей степени, чем административное давление и фальсификации на выборах, — как это принято считать в оппозиционных кругах. Подобная картина достаточно хорошо отражает специфику сегодняшней России, в которой «правые государственники», то есть сторонники сочетания сильного государства и современной рыночной экономики, занимают место в центре «слоеного пирога» параллельных российских миров, скрепляя ценностный каркас общества; а на флангах располагаются две группы — либералов и социал-консерваторов.

Как мы отмечали выше, российская глубинка (и в географическом, и в социальном понимании) имеет не меньше, а даже больше поводов для недовольства властью, чем столичный «креативный класс». Но для консервативного большинства нынешняя власть в любом случае воспринимается как меньшее зло, чем московские либералы. Так, для социал-консерваторов модернизация, перемены — это наведение порядка, борьба с коррупцией, восстановление социальной справедливости и укрепление державной мощи. Для либералов модернизация — это также наведение порядка и борьба с коррупцией, но одновременно и расширение возможностей для свободного предпринимательства, и борьба за политические права против «государственной тирании».

За левоконсервативный сценарий выступает не менее 50—60 процентов населения, в основном слои общества за пределами среднего и высшего класса. Однако поддержка этих настроений в элитах весьма не-

⁷ Д. Фурман. Импровизаторы у власти. — «НГ-Наука». 25.06.2008.

значительна — даже среди тех, кого принято относить к числу «силовиков во власти». Среди элит сторонники «силового прорыва», возможно, могут рассчитывать лишь на некоторую часть руководителей ВПК, заинтересованных в концентрации ресурсов страны вокруг оборонного комплекса и в мобилизационной идеологии.

Все это позволяет предположить, что левоконсервативный сценарий в нынешней России, где отсутствуют в должном объеме необходимый человеческий ресурс (по аналогии со «сталинской» модернизацией 1930-х годов, проводившейся в условиях избытка малоквалифицированных трудовых ресурсов с низкими жизненными стандартами), не может пойти далее выстраивания бюрократической «вертикали власти» — повестки дня, уже реализованной в 2005—2008 годах.

Любые попытки установления авторитарного режима, даже с идеологией развития, обречены на достаточно быстрый провал. Как пишет С. Бирюков, «Россия на сегодняшний день исчерпала все возможности для “половинчатой” и “верхушечной” модернизации, которая может обернуться лишь нарастанием хаоса и процессов деградации. Едва ли возможна традиционная для России модель развития “коллективистско-мобилизационного типа”, ибо разрушен ключевой социальный и культурный ресурс, необходимый для модернизаций подобного вида — русский патриархальный уклад, традиционно отождествляемый с деревней и крестьянством»⁸. Вектор общественных настроений сегодня направлен не против власти как таковой, а против правящих элит, устранение кото-

рых воспринимается многими как необходимое условие для начала любых перемен. А в качестве главной причины экономической отсталости и невысокого жизненного уровня российские граждане видят коррупцию, безответственность властей и чиновничества всех уровней.

Таким образом, несмотря на все перечисленные ограничители, понятные современному политическому классу России, настроения большей части россиян явно тяготеют к левогосударственническому сценарию, который можно было бы охарактеризовать как идею своего рода «диктатуры развития». Может быть, как следствие, больше перспектив и шире социальная база у либерального сценария модернизации? Картина здесь во многом носит зеркальный характер. Либеральные перемены готово поддержать не более 15—20 процентов населения, однако среди элит, как показало исследование М. Афанасьева⁹, настроения складываются скорее в пользу либерализации. Впрочем, речь идет не об огромном бюрократическом классе, не заинтересованном ни в каких переменах, а скорее о той части элит, которая оказалась вытесненной на обочину генерацией силовиков и их выдвинутцами. Это журналисты, политики, не вписавшиеся в контур «партии власти», политологи и аналитики, эксперты разного направления, представители культурной и творческой элиты, — то есть как раз искомый «креативный класс».

В целом же нельзя не сделать вывод, что наметившийся и углубляющийся раскол общества, определяющий сегодняшнюю политическую динамику,

⁸ С. Бирюков. Российская модернизация: через тернии к возрождению страны? — www.apn.ru/publications/article22264.htm

⁹ См. «Российские элиты развития: запрос на новый курс». — «The New Times». 02.03.2009. Исследователи (руководитель группы — М. Афанасьев), используя метод глубинных интервью, опросили 1003 человека, проживающих в 64 субъектах Федерации.

является полуреальным и одновременно полувиртуальным. Безусловно, произошла реанимация многих архетипов, входящих в социокультурный код российской нации. Однако эти архетипы далеко не всегда затрагивают мотивационный блок массового сознания.

Те, кто сегодня пытается в качестве «нового путинского большинства» предложить консерваторов-традиционалистов, не учитывают качество этого самого «традиционализма», существующего подчас лишь как элемент автостереотипа наряду с представлениями о соборности, коллективизме, духовности и прочих атрибутах русского самосознания. Не всегда верная интерпретация содержательной составляющей данной группы «квазитрадиционалистов» часто приводит к ошибочному мнению о том, что в современном российском обществе продолжают доминировать левые, идущие от общинных ценностей, настроения, и, соответственно, если дать этой группе должные политические свободы, она приведет к власти «радикально левых политиков».

В частности, сказанное касается и нового структурирования «путинского большинства», для «духовного окучивания» которого все чаще привлекается и РПЦ, и консервативная группа политиков и идеологов, входящих в так называемый Изборский клуб. Однако попытки демонизировать одну часть общества за счет другой не могут не иметь негативных последствий, если смотреть на ситуацию с точки зрения стратегической перспективы.

Как ответ на новый вызов партии власти — усилить «сверху» идейную поляризацию общества, сталкивая и стравливая противостоящие друг другу социальные группы, пугать либералов призраком консервативной

диктатуры, а консерваторов — призраком либерального реванша. Результатом подобной тактики властей стали усиление радикальных флангов и «фаза полураспада» политического центра, некогда бывшего их главной опорой. Из этого можно сделать вывод: раскол общества на два непримиримых лагеря носит все же полувиртуальный характер и является в большей степени продуктом работы политтехнологов, чем отражает антагонистические противоречия внутри самого общества. Ведь как-то же уживались относительно мирно оба ныне непримиримых лагеря на протяжении почти полутора минувших десятилетий.

Итак, наш общий вывод: поляризация российского общества, спровоцированная в последние полтора года, лишь частично имеет место в реальности; в немалой степени она носит искусственный характер, являющийся своего рода политтехнологическим ответом властей на произошедший всплеск протестной активности, интерпретированный как «бунт либералов». Результатом этой поляризации является раскол протестующих, отсечение от либерального меньшинства недовольных из других общественных групп. Несмотря на внешнюю идеологическую полярность социал-консерваторов и либералов, сохраняется достаточно большая политическая и идеологическая «поляна», которая продолжает объединять их. Нынешнее лоялистское большинство по-прежнему образуется из союза умеренных консерваторов-государственников и умеренных либералов-государственников. Это означает, что наметившаяся поляризация общества пока не носит необратимого характера. ◆